

Василий Щепетнев

ДЫМ
Отечества

12+

Василий Щепетнев
Дым Отечества

«Автор»

2022

Щепетнев В. П.

Дым Отечества / В. П. Щепетнев — «Автор», 2022

Полеты в космос, к звездам, что может быть прекраснее? Возвращение! Вот только трудно вернувшись узнать своё Отечество...

© Щепетнев В. П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1	5
2	14
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Василий Щепетнев

Дым Отечества

1

Палубный постовой шалил третью вахту подряд. Либо глюоны разошлись, либо электроны устали. Черпались, черпались, и исчерпались. Или же причина в порядковом номере палубы, тринадцатом? Вот и вычислительный агрегат тринадцатого числа каждого корабельного месяца требует поменять масло в карбюраторе. Нет у вычислительного цифрового агрегата, для своих – Цифруши, карбюратора, нет и не было никогда. Как, впрочем, и глюонов, ни крепких, ни разошшихся у постового. Для чужих – устройства периферического контроля. Производственный фольклор, не более того. Плоды натужного юмора бортмехаников, числовиков, врачей и прочего люда в белых халатах.

Фомин посмотрел в зеркало – банальное зеркало, никаких электронных чудес. С чудесами он попримитивней бы выглядел. Правда, халат действительно белый, иначе нельзя, но уж больно мятый. Никакой торжественности, пиетета профессии. У Норейки номер не пройдёт, халат эскулапа – произведение искусства, экзоскелет, одним видом лечит.

Ну и ладно.

Он встал на колени, заглянул под корпус постового. Ни выпавших болтиков, ни подтёков антифриза, которого у постового тоже не бывает. Даже пыли, и той нет.

На мгновение Фомину помстилась Красная Бусина. Помстилась – и исчезла. Прилив крови к голове, или иное, а придется идти к Норейке. Непорядок, если бортмеханику Красные Бусины подмигивают. Органы чувств на скорости сто двенадцать тысяч километров в секунду порой того... неадекватны. Даже у бортмехаников. Релятивистские эффекты пополам с Зовом Пустоты.

Ничего, справимся.

Он достал из футляра отвёртку. Хоть и двадцать первый век на корабле, но чем проще инструмент, тем он надёжнее. А в межзвёздном полёте надёжность выше лени. У него, конечно, имеются отвертки самокрутные, полный набор, но с этой спокойнее. И ручка деревянная, есть обо что постучать. Прадедушка, мастер знаменитого московского автозавода, предложил линейную прорезь головки винтика заменить трехлучевой звёздочкой. Отвёртка та самая, с которой он ходил к Орджоникидзе, доказывая удобство и выгоду «звёздочки». Думал ли он, что отвёртка побывает в межзвёздном пространстве? Кто знает. Прадедушке воображения было не занимать...

Последний винтик улегся в спецкоробочку, откуда не сбежишь, не укачишься.

Фомин снял декоративную панель. Зелёный огонек самодиагностики заверял – устройство функционирует штатно. Снял панель вторую, функциональную. Достал ДиТи, диагностический тестер, тавтология, конечно. Тоже на протях. Контрольные огоньки протеев подтверждали: спите мирно, дорогие товарищи, на палубе всё спокойно.

Коперник, говорят, за всю жизнь ни разу не видел Меркурия. Вряд ли кто-то видел неисправные протей, теоретически они считались вечными – если, разумеется, не подвергать их непредусмотренным нагрузкам, как-то воздействию горячей плазмы, ускорению более ста тысяч «же» и прочим факторам, характерным для сердцевины термоядерного взрыва. Недаром ереванский завод давал на протей гарантию в двадцать пять лет. «Надежны, как протей, крепче стали, шагаем по Голконде без усталости» – писали стихи покорители Венеры, и стихи эти помещали в буквари. Фомин ещё тогда, восьмилетним пацанёнком, захотел стать и космопроходцем и в протях разбираться, и стихи сочинять. Сбылось всё, кроме стихов. Но ещё не вечер.

Протеи в принципе неспособен барахлить, работать плохо. Он либо работает, как может, то есть отлично. Либо не работает вовсе. Здесь всё в порядке, как и положено. Непонятно только, отчего постовой свистел, то есть передавал на центральный пульт сигнал о присутствии в районе тринадцатой палубы неучтенной активной органики массой в пять и две десятых килограмма, причем за три секунды масса активной органики сначала снизилась до полукилограмма (четыреста восемьдесят три грамма с запятой, если быть точным), потом подскочила до двухсот семидесяти килограммов, а потом исчезла, будто и не было её никогда. Не переместилась за зону ответственности постового, а именно исчезла.

Вся активная органика на «Королёве» носила опознавательные браслеты, очень изящные, специально изготовленные для экипажа «Королёва» знаменитыми кубачинскими мастерами Аушевыми. Аушев-старший сделал собственно браслеты, Аушев-младший поместил внутрь протеи, и теперь, собрав ежесекундные отчеты от постовых (на самом деле – много чаще), Цифруша передает на центральный пульт сводку о состоянии здоровья и местопребывании каждого из семидесяти четырех членов экипажа межзвездного крейсера «Королёв», допущенных к пространственному перемещению. На неопознанную же активную органику Цифруша выдает сигнал тревоги. Чужие в доме! Откуда берутся чужие, и куда потом деваются, Цифруша не говорит. Не его ума дело. Добро бы на орбите кружили, можно было бы заподозрить десант атлантидов, но здесь, на трассе... Призрак отца Федора в поисках бриллиантов мадам Петуховой.

Остаётся думать, что всё-таки грешат протеи. Одно дело испытания на стенде, другое – в межзвездном полете. Релятивистские скорости – штука до конца не ясная. Она и до середины не ясная. Честно сказать, мы ещё в азах путаемся.

Фомину подобные мысли не нравились. Совершенно. Если бортмеханик вместо того, чтобы содержать в полной исправности вверенные ему агрегаты, начинает рассуждать о релятивистских эффектах как причинах сбоя работы, то этого бортмеханика нужно немедленно гнать из экипажа. За борт. Или того хуже – в пассажиры. А то сегодня призрак ему явится, завтра астероид по курсу пропустит.

Ни того, ни другого не хотелось, и Фомин решил сменить узел. Блочно-протейная система позволяла чинить практически всё – куда есть запасные протеи.

Он вернул панели на место, вслед за ними винтики, спрятал ДиТи в чемоданчик, вложил в ножны отвёртку (и под рукой, и безопасно) и пошёл назад, в каморку при машинном отделении.

Какое бы помещение не занимали бортмеханики, оно, в силу традиций, обречено называться каморкой. На «Королёве» каморку отвели пристойную, есть где развернуться и даже почесать затылок. Да хоть побегать, чего-чего, а пространства на «Королёве» вволю. Не разбаловаться бы, как потом привыкать к тесноте межпланетников, где порой действительно бывает яблоку не упасть. На лету поймают и тут же съедят.

Дверь в каморку распахнулась сама – это Цифруша любезность оказывает по дружбе. Вдруг у Фомина руки заняты каким-нибудь неисправным агрегатом, громоздким и тяжёлым.

Он шагнул внутрь.

– Ты принес мне азбуку? – встретил его противный, скрипучий голос.

– Нет, – ответил Фомин.

– Куртку пожалел, да? А мне оставаться неграмотным, глупым и бесполезным, того и гляди, на дрова пустят... – захныкала кукла.

– Лучше на дрова, чем в утилизатор. Светя другим, сгораю сам, – Фомин сел за стол, раскрыл журнал дежурств и записал по старинке, карандашиком, сделанное за смену, и только потом передал данные Цифруше. Вышло мало – ничего не ломалось, ничего не ржавело, ничего не требовало наладки, смазки, закручивания гаек. Кроме постового с тринадцатой палубы. «Заменить агрегат», написал он решение и подошел к шкафу, где хранились протеи. Собрать

новый агрегат взамен чудившего пришлось минут двадцать – Фомин не торопился, некуда, а работа, даже такая простая, радовала. Установит в следующую вахту, пока же новый постовой пусть работает в испытательном режиме. Вдруг и он видит призраков?

Буратино хныкать прекратил, знал, перегнешь палку – выключат, и только изредка вздыхал:

– Эх, похлёбки бы сейчас бараньей, с чесноком, с базиликом, с картошечкой... Или ушицы стерляжьей...

Ушицы похлебать Фомин и сам был не прочь, но ушицы настоящей, тройной, и не где-нибудь, а на берегу Дона, у костра, чтобы ветерок, плеск воды, даже комары пусть поблизости выются, всё ж не чужие, одной крови, они и мы.

Гастрономическую ностальгию прогнал сменщик.

– Ты бы, Вахтанг, буратине голос поменял, что ли, – сказал Фомин после формальной сдачи дежурства.

– Хочешь, твой поставлю? – предложил Бардзимашвили.

– Нет уж. Уволь.

– А чей? Только скажи, все сделаю, начальник.

Фомин только крикнул. Действительно, чей? Он перебрал варианты, и вышло, что нарочито кукольный есть лучший вариант. Если тебе Буратино имя...

– Делай, как знаешь, – дал он наказ подчиненному и вышел из каморки.

Куда идти? Теперь он подвахтенный, а подвахтенный обязан не покидать корабль без особого на то распоряжения Командора. Дождешься распоряжения, как же! Не такой это человек.

Он вздохнул.

Хочешь или нет, а идти следует в медблок. Красная Бусина велит.

Медблок располагалась рядом – даже межзвёздный крейсер не столь велик, чтобы медики оказались далеко. Да и не положено медикам быть далеко, бывают ведь происшествия посерьёзнее, чем примерещившаяся Красная Бусина, – и пальцы сами коснулись деревянной ручки отвертки. Оно, конечно, замшелое суеверие, хоть по дереву стучи, хоть по голове, причинно-следственной связи с травматизмом, инфекцией и прочими напастями никакой, но и вреда не накличешь...

Думай, не думай, а через семь часов начнётся Торможение. Всяк делал вид, что Торможение – штука самая обыкновенная, проверенная, а то, что два из пяти беспилотных межзвёздников, запущенных прежде, попросту исчезли – так на то на «Королёве» бортмехаников и держат. Что сломается – поправят и наладят. Бортмеханики, навигаторы, силовики, числовики – восемнадцать человек обеспечивают собственно полёт, остальные же – учёные. Учёным интересно всё. Сам процесс перехода от скоростей релятивистских к скоростям ньютоновским волнует и радует. Бортмеханика же волнует другое – чтобы всё работало штатно.

Ноги сами повели в медблок. Ах, Красная Бусина, Красная Бусина...

Очень не хотелось признаваться в мороках, но как не признаться? Все равно, что утаить неисправность в агрегате утилизации: день сойдет, и два сойдет, а на третий такое пойдёт...

Шёл он путём кружным – отчасти из-за желание осмотреть корабль собственными глазами, не всё ж постовым доверять. И вообще, кружной путь вводит в заблуждение межзвёздных шпионов и диверсантов.

Зашел в зооблок. Вместе с людьми честь первого полёта к звездам разделили свиньи. Не морские, а самые обыкновенный, гваздёвской крупнопятачковой породы. Взяли в полёт полдюжины свинок, в пути они усиленно плодились, и вернётся целое стадо на радость исследователям. Их, свинок, можно исследовать куда интенсивнее, а в биохимическом отношении человек и свинья – братья. Кто более матери-природе ценен? Когда мы говорим свинья, подразумеваем...

Для Фомина зоозона была участком особой ответственности: если утилизирующая система выдержит стадо свиней, она выдержит что угодно – так считали конструкторы «Королёва».

И она выдерживала! Почему нет? Свиньи не имеют обыкновения засорять утилепроводы вакуум-фонарями, карманными фляжками, деталями спортивных тренажеров и протезами верхней правой конечности. Последний случай был самый загадочный: никто из экипажа «Королёва» такого протеза не имел. Верно, ещё во время строительства забыли. Утилизатор, разумеется, мог размолоть в молекулярную пасту и протез, но на всякий случай, встречая диковинку, запрашивал подтверждение у человека: вдруг нужная вещь попала в нужное место.

А человеком таким был дежурный бортмеханик...

После зоозоны он ещё немножко прогулялся по парковой полосе, подышал хвойным воздухом и уж только потом направился к Норейке.

Цифруша здесь делал вид, что с Фоминым не знаком, и дверь распахивать не собирался.

– Погодите минуточку, сейчас освобожусь, – донёсся из интеркома голос врача.

– Жду, жду, – радостно ответил Фомин. А чему радоваться-то, ведь не зубы лечить пришёл, не нарыв вскрывать. Нарыв и сам вскрыется, а зубы теперь болят редко, после открытия симбивакцины. Открыли её как раз в год рождения Фомина, и потому о зубной боли и страхе перед врачом он знает преимущественно по классической литературе. Чехов, Чапек, Чхартишвили...

Он сел на скамеечку. Такие скамеечки стояли в девятнадцатом веке перед земскими больничками, и оформители посчитали, что лучше и придумать нельзя. Напротив скамеечки – панно: озерцо, камыш, серое небо. Шалашик; костёр едва дымится. Финское лето. Человека не хватало, и художник сумел так построить пейзаж, что присутствие этого человека за спиной ощущалось всеми фибрами души.

Хотя в медблоке, поди, среди множества приборов нет такого – по фибрам души.

На панно облачко закрыло северное солнце. Того и гляди, дождь пойдет.

Норейка вызвал его раньше, чем упали первые капли.

Кабинет врача – это не каморка бортмехаников. Опять же размеры не играли значения. И чистота что здесь, что там одинаковая. Просто и у Норейки вид медицинский, и в воздухе что-то медицинское. Спирт, он хоть теоретически есть жидкость без запаха, но практически если ты его за пять шагов носом не распознаешь, значит ты неправильный бортмеханик.

Пахло спиртом не из легких Норейки, разумеется. Просто – витало в воздухе. От предыдущего посетителя? То-то ждать пришлось. Или Норейка обработал спиртом руки? Предрассудок, традиция, но заманчивая традиция...

– Присаживайтесь, пожалуйста, – Норейка указал на «кресло пациента диагностическое».

Он сел.

Пока сидишь, кресло снимает множество показателей, несравненно больше, что могут личные браслеты. Много чего в этом кресле спрятано, он, Фомин, сам его и устанавливал за неделю до отлёта: прежнюю модель признали устаревшей.

– Что тревожит, Корней Петрович?

– По медицинской части ничего. Почти ничего. Просто вы говорили – докладывать о всяких странностях, непонятках, мороках. Вот я и пришёл.

– Были мороки?

– Совершенная ерунда. Красная Бусина. Даже толком не уверен, что видел. Будто действительно бусина. Крупная, с вишенку, совершенно круглая и светится вишнево – не очень ярко, но несомненно. Смотрю неотрывно, а рука за отвёрткой тянется. Достать не успел – исчезла бусина. Я не моргал. Вот она есть – и вот её нет. Никакой электростатики, я проверил.

Да там как раз и постовой тринадцать – бис. Барахлит постовой, я его как раз проверять пришёл. Вдруг и связано с Красной Бусиной.

– Что ж, Красная Бусина, значит, Красная Бусина. Будем разбираться, – сказал Норейка. – Не раскрою тайны, если скажу, что вы – третий, кто сегодня увидел Красную Бусину. Разумеется, это между нами.

– Разумеется, – ответил Фомин.

Психические феномены – штука заразная. Стоит одному зевнуть – за ним тут же потянутся другие. Стоит одному подцепить Ю-чесотку, как половина экипажа раздирает себя в кровь, хотя медики говорят об абсолютной невозможности передачи болезни от человека человеку. Вот и сейчас всяк начнёт видеть бусины. Нехорошо.

Третий год полёта, и какого полета! А главное, через три часа корабельного времени начнется Торможение. Не ко времени Бусина выкатилась.

Норейка по старинке выслушал его трубочкой, постучал молоточком по коленям и локтям, потом запустил саркофаг, агрегат, многожды превосходящий кресло пациента в возможностях диагностики, а ещё саркофаг умел делать уколы и прочие гадости.

Фомин, как бортинженер, в премудростях не разбирался, но знал: если саркофаг находит у обследуемого что-то серьезное, загорается красная лампочка, привлекая внимание врача, если не уверен – зеленая, но в режиме мигания, если же пациент в тех пределах, которые считаются саркофагом здоровьем, лампочка светится ровным зелёным светом. Вот как сейчас.

Разумеется, это не означает, что обследуемый здоров действительно. На то и доктор, чтобы высшей властью истолковывать показатели так или этак. Саркофаг имеет дело с известным, врач в полёте – с новым, неизвестным.

А все-таки с зелёной лампочкой приятно.

– Что ж, – после короткого раздумья сказал Норейка. – Тревожных симптомов нет.

– А Красная Бусина?

– Как знать, как знать... Вдруг она – объективная реальность.

– Лучше бы симптом.

– Разве? – удивился Норейка.

– Конечно. Если все эти бусинки у нас в головах, значит, полет проходит нормально. А если они на самом деле рассыпались по «Королёву»...

– Ну, если бусинки исключительно в головах, но во всех головах, и их, бусинок, много – тоже не мармелад, – парировал Норейка. – Давайте так, Корней Петрович: я ищу в головах, а вы – на корабле. Хотя надеюсь, что это – прощальный привет релятивистского пространства. Начнется торможение, и все бусинки исчезнут сами.

– Поздновато для прощального привета. Но, конечно, будем смотреть, как же иначе.

– А вам пока – лекарство, – Норейка достал из ящика стола жестяную коробочку.

– Что за лекарство?

– Монпансье. От мороков, видений и прочей ложной информации. По одному леденчику каждые три часа. Под язык

– И... долго мне их принимать?

– Пока не кончатся. А кончатся – приходите ещё.

– Премного благодарен, – и Фомин покинул медблок.

Леденцы от морока, да... Впрочем, скорее всего, это пустышка, витаминчики побезвреднее, для успокоения и придания уверенности. Бортмеханик с больной головой на корабле – хуже диверсанта. Будем надеяться, что Бусина – пустяки, маленький спазм совсем маленького сосуда. Из-за резкого наклона, когда он заглядывал под кожух постового. Вот и вся разгадка.

Он, как и предписывал Норейка, положил леденец под язык. М-м-м... Кисленько. Приятно.

Он прошёл на пищеблок. Пятеро трапезничали за общим столом, то и дело поглядывая на корабельные часы.

Виделись сегодня не раз, и всё равно Фомин поздоровался, пожелал приятного аппетита каждому. Капля масла на шестеренки экипажа. Потом взял на раздаче свой контейнер, подсел к остальным.

Пожелание, судя по всему, впрок не пошло – ели вяло, кое-как. Волнуются перед Торможением. Впереди Земля. Не то, чтобы прямо по курсу, ещё около месяца полета, но всё же, всё же...

А кусок – поперёк горла.

Разговор с сотрапезниками не складывался. Ни общий, ни частный, ни дружный, ни деловой. Никакой. Манаров начал было пересказывать статью, разысканную им в архиве, о возможности существования парабелковой жизни на прионной основе, интересную статью, середины двадцатого века, но никто не воодушевился. Больше смотрели на часы, висевшие на стене – большие, с круглым циферблатом, часы с легендарного шлюпа «Хиус». Как достал их кок, что дал взамен – рецепт «Особого Старательского», поварёшку, душу? Никто не знал. А вот как сумели установить часы вместо штатного хронометра, Фомин знал, сам же и устанавливал. Командор разрешил.

Вот и идут старинные часы, отмеряют время. Они идут, а мы глядим. Глядим и считаем минуты.

Неловкое, тягостное молчание прервала команда, переданная по громкой связи:

– Бортмеханику Фомину придти в Кабину Управления Полётом!

– Началось! – сказал Кугель, немного обиженный тем, что его – не позвали.

– Может, гаечку какую затянуть нужно, – успокоил его (и себя) Фомин, вставая из-за стола.

Если бы случилось что-то действительно неотложное, его бы вызвали по связи тихой, неприметной, через личный браслет. Громкая связь же оповестила не одного Фомина, а весь экипаж: всё идет штатно, переходим к следующей фазе полета – торможению.

Он шёл споро, но не торопливо, не было сказано «срочно». А на «немедленно» – и вовсе бегом следует отзываться.

Со времен мятежа на «Челюскине», когда экипаж, измученный Зовом Пустоты, перебил офицеров и направил судно напрямик на Солнце, двери ЦУПа (Центра Управления Полётом) охранялись круглосуточно и – с оружием в руках. Оружие – корабельные пистолеты “Тимур” образца 2001 года, снаряженные особыми патронами, чтобы ненароком нужный механизм не повредить, но коня на скаку остановить обязательно. Охранников выбирали из людей, Зову Бездны не подверженных – таких было один на тысячу. К сожалению, способность эта сочеталась с врожденной устойчивостью к обучению, редко кто из охранников имел УР, то бишь Уровень Развития выше девяности. Что ж, девяности – тоже неплохо.

Охранники сверились с полученным приказом на впуск – и впустили.

Встретили его Командор и Ванштейн, первый штурман.

– Как самочувствие, Корней Петрович? – спросил Командор. Ага. Норейка уже доложил. Для Командора врачебных тайн не бывает.

– Самочувствие? – Фомин на мгновение замер, прислушиваясь к организму. – Самочувствие – превосходное.

– Хорошо. А Красная Бусина больше не являлась?

– Нет, – точно, Норейка. – Больше не являлась.

– Нам тоже.

– Простите?

– Нам тоже больше не являлась. Показалась, и исчезла. И мне, и штурману. Сегодня. И это бы ничего, только именно мы трое должны осуществлять ввод команды на торможение.

– Трое? – теперь уже по-настоящему удивился Фомин. – По уставу двое, командир корабля и старший штурман.

– Верно. Но в секретном, командирском дополнении к Уставу оговаривается и присутствие запасного человека. Дублера. Этим дублером я выбрал вас, ещё месяц назад.

– Я, конечно, рад...

– Погодите. Рад, не рад – это сантименты. Важно, что именно нам троим именно сегодня явились эти... бусины.

До этого молчавший Ванштейн кашлянул, привлекая внимание:

– Чего только не увидишь в космосе. Особенно в Дальнем Космосе. Особенно на релятивистской скорости. Особенно перед Торможением. Нервы, они и в Пространстве Нервы.

– А мы, получается, самые неустойчивые из всего экипажа? – сказал командир без капли иронии в голосе.

– Или самые чуткие. Или самые дисциплинированные. Другие, может, чертей зелёных видят, да молчат.

– Пусть так. Помолчим и мы, – Командор сказал то, что хотел сказать. Дальше думайте сами, если умеете.

Каждый, конечно, надеялся, что умеет. И думал, думал... Вот так изобретается динамит. Или жевательная резинка – штука страшнее динамита, во всяком случае, для бортмехаников космических кораблей, и потому строжайше запрещённая на любом борту, от катера до межзвёздного крейсера.

Фомин усмехнулся. Не много же он надумал.

В ЦУПе часы были особые, ториевые, с двумя циферблатами. Один циферблат показывал корабельное время, другой – земное, московское. Вторые спешили уже на два месяца, их постоянно выверял Цифруша. Потом, после полета, часы эти попадут в музей Циолковского. Если какой-нибудь шустрый кок не перехватит.

До начала торможения оставалось пять минут. Спеть песенку трио? «Пять минут, пять минут?» Сочинить историческую фразу, краткую и доходчивую? Или откупорить шампанского бутылку, по-гусарски, пробкой в потолок?

Но голос у Фомина был посредственный, умные фразы в голову не спешили, а откупоривать шампанское в присутствии командира сочли бы непросчительной дерзостью. У него и шампанского-то никакого нет. Есть спирт, которым бортмеханики, согласно опять же традиции, должны протирать разные технические поверхности. Но спирт выстрела не даёт...

Буднично, совершенно неторжественно зазвенел таймер.

– Пора, Андрей Борисович, – сказал Командор Ванштейну.

Оба сели за кресла пилотов, синхронно – или почти синхронно, взяли за рычажки торможения.

– Три, два, один, ноль, – скомандовал Командор, на «ноль» поворачивая рычажок. То же сделал и Ванштейн.

Никакой нужды в дублировании не было. Повернуть рычажок мог и один человек. Более того, торможение началось бы и вовсе без пилота – Цифруша просто обязан дать команду на торможение. Вдруг экипаж вымер от неизвестной межзвёздной болезни или, тьфу-тьфу-тьфу, ещё хуже, упился спиртом из запаса Фомина.

И вообще, торможение начнется не сейчас, а минут через семь, когда иссякнет последняя порция гатрамонов. А ну как не иссякнет? Тут-то бортмеханик и явит себя в полной красе: почешет в затылке, руками всплеснёт и начнет откручивать гаечки. Все подряд, какие попадутся, потому как откручивай, не откручивай – одно. Гатрамонную камеру в полёте не чинят.

Все трое переводили взгляды со спидометра на часы, с часов на спидометр. Смешно, но спидометр был совершенно в духе автомобильного, как те, что устанавливал прадедушка

на первые «Москвичи». Не совсем такие, побольше, и скорость не в километрах за час, а в сантисветах меряет, но всё равно – очень похоже.

И спидометр, и часы были данью традиции: Цифруша на экране выдавал несравненно более точные сведения. Да и изменение скорости в первые минуты на глазок не заметишь, когда табло в сантисветах. И теоретически почувствовать они не могли ничего. Выброс гатрамонов прекратится, вот и торможение. Это вам не баллистическая космонавтика по Ньютону – разогнался один раз и спи, отдыхай. Релятивистский полёт требовал постоянной работы двигателя, иначе скорость упадет ниже критической. Что, собственно, сейчас и должно произойти: гатрамоны иссякнут, и Пространство само затормозит «Королёв», безо всяких дополнительных усилий.

Но опять же, никаких ньютоновских перегрузок не будет – мю-поле, оно и есть мю-поле. Под его колпаком гравитация неизменна – 115 процентов от земной. Лишние пятнадцать процентов должны, по заключению медиков, компенсировать гиподинамию. Фомин, как уроженец Марса, налегал на физподготовку больше любого другого, стараясь не только не уступать землянам, но даже и превзойти. Почему нет? Когда с пелёнок вертят в центрифуге, привыкаешь.

На инфоэкране зелёный столбик – индикатор работы гатрамонной камеры – дрогнул и пополз вниз. Началось!

И скорость – в километрах за секунду – тоже начала потихоньку снижаться. А вот спидометр подкачал – там стрелка прыгнула на пять сантисветов вперёд. Было тридцать три, стало тридцать восемь. Сантисвет – три тысячи километров в секунду. Пять сантисветов – пятнадцать тысяч. Барахлит механика, или Цифруша шалит? В ЦУПе шуточки исключены. Значит, механика. Позор!

Вслед за спидометром стали врать и часы. Корабельное время как шло, так и продолжало идти, зато земное, московское пошло в раздрай – полетели дни, месяцы, годы, и остановились только в 2100 году: дальше циферблат заглядывать просто не умел.

Но...

Но у циферблатов часов и спидометра механика независимая. Общее у них – Цифруша. Значит, всё-таки причина в нём?

Фомин ещё только-только обдумывал эту возможность, а коммодор уже выводил на экран:

«Первый – ВЦА: запрос контроля».

Через мгновение на экране появился ответ:

«ВЦА – Первому: все системы ВЦА функционируют штатно. Предложение: начать проверку первого уровня. Да, нет».

«Да», – напечатал Командор.

«Приступаю. Предварительный расчёт: проверка первого уровня займет 7 минут 16, 4 секунд».

Проверкой занималась лишь часть ВЦА, остальные ресурсы агрегата по-прежнему управляли кораблём.

Спидометр показывал уже семьдесят сантисветов. Потом подскочил до девяноста девяти. И, наконец, уперся в сотню. Скорость света! Вот тебе и затормозили!

Придется Горбулёву поработать, и поработать изрядно. Обслуживание Цифруши – это прерогатива группы числовиков. Бортмеханики могут помочь только откручиванием винтиков. Блок протеев подать-принести, ещё что-нибудь в том же роде. Числовики – работники умственного труда, и все свои действия осуществляют преимущественно мысленно. У бортмехаников же весь ум в руки уходит...

Семь минут прошли.

И шестнадцать секунд прошли.

И четыре десятые тоже.

Цифруша должен был представить результаты проверки первого уровня, но и экран, и печатный агрегат молчали.

«Вывести скорость в сантисветах» – приказал Командор.

Тут же на экране появилось новое табло. 100.0000 – вот вам! Вековая мечта человечества, скорость света – достигнута!

Правда, тут же она упала на одну десятитысячную сантисвета 99.9999. На триста метров в секунду. Надо же! Потом ещё на одну десятитысячную. Потом ещё. Межзвёздник не трактор, быстро остановиться не может.

Девятки на табло производили впечатление странное.

Когда и полчаса спустя Цифруша, несмотря на двукратное напоминание, так и не представил рапорт об итогах проверки первого уровня, стало ясно даже бортмеханику: летели, летели – и залетели...

2

Межзвёздный крейсер «Королёв» строили опытные люди. Мудрые. Потомственные корабельщики. Протеи дублировались не только другими протейками, это само собой. В ход шли и дедовские приёмы, и прадедовские. Например, связь. Радиоволны – раз, оптоволоконные – два, а ещё звуковые трубы, где позволяли условия. Были, напротив, установлены и новинки. Последнее слово теоретической физики и экспериментального производства.

Цифрушу дублировал Гравитационный Центральный Аппарат. Не полностью дублировал, многого гравитационный центральный аппарат не умел, не успели научить. Но управлять гатрамонной камерой мог.

Да и механики было на межзвёзднике изрядно. И она не подвела. Не зря проводились учения и тренировки с имитацией отказа ЦВА и выходом из строя тех или иных электронных систем с переключением на Гравитационный Центральный Аппарат, коротко – Гравицап. Не зря Фомин сотоварищи держали механику в образцовом порядке, не жалея ни рук, ни колен.

Во всяком случае, в Систему «Королёв» прибыл и в системе же затормозил до ньютоновских скоростей.

С нас и этого довольно.

3

– Однако... – Белопольский склонил голову и снова посмотрел на экран.

Изображение не изменилось. Тускло-багровый круглый шар величиной с яблоко. – И это – Нептун?

– Откуда мне знать, – Фомин повернул микровинт, пытаясь улучшить резкость, но проку вышло чуть. Видно, и без того резкость достаточная, а что рельефа никаких не видно, то ведь и нет его, рельефа, газовый пузырь, что взять. К тому же до предполагаемого владыки морей было недалеко, корабельный же «Галилей» предназначался более для ориентации в пространстве, нежели для глубоких научных исследований. – Моё дело навести на заданную точку, а уж чем точка обернется – пардон...

– Да, да, – не очень и слушая Фомина, астроном застрочил карандашом по бумаге. Фомин вздохнул и пошёл прочь. Считать на бумажке – дело канительное, требующее полной самоотдачи и сосредоточенности. Бортмеханик помочь здесь бессилён, может только помешать.

«Королёв» дрейфовал к Солнцу, дрейфовал медленно, неспешно. Куда спешить? В смысле – в какую сторону?

На Землю, понятно.

Ноги сами принесли Фомина на смотровую площадку. Звёзды, звёзды – и все неизвестные! Ни тебе Большой Медведицы, ни даже Малой.

Одна звезда яркая, не точка, а крохотный диск – Солнце. Будем считать – Солнце, а сомневающиеся пусть помолчат.

Взяв Солнце за точку отсчета, штурманская группа стала искать всё остальное. Находят потихоньку, но астрономы подпускают сомнение – какие-то не такие планеты. И взаиморасположение небесных светил их смущает. Не должно так быть – по расчётам.

Больше всего удивила парочка Земля – Луна. Настолько удивила, что, вместо того, чтобы на всех парах отправиться домой, они решили провести несколько дней здесь. Осмотреться. Разобраться в новой космогонии.

Главным, конечно, было другое. Положим, долетят они до Земли. А ну, как нас там не ждут? Просто некому ждать?

Фомин раскрыл рундук, достал из особого футляра бинокль. Хороший, сорокакратный, с механизмом компенсации дрожания рук. Для людей, соскучившихся по дому, незаменимая вещь.

Он поглядел в бинокль. Землю видно, но если не знать, что это Земля, так и не догадаешься никогда. Возможно, он и не на Землю смотрит вовсе, а на какую-нибудь новую планету. А где ж Марс? Астрономы опять же говорят – вон где, дальше от Солнца на семнадцать миллионов километров, нежели прежний Марс в апогелии. Обозначился, и довольно. Он хотел положить бинокль обратно, как вдруг увиделдвигающуюся точку.

Здесь, в четырех миллиардах километров от Солнца, на орбите, почти перпендикулярной к плоскости эклиптики, увидеть движущуюся звездочку означало следующее: либо мстится, либо неопознанный летающий объект находится близко. Очень близко.

Выбрав второе, он и прокричал об открытии на весь «Королёв».

На весь, пожалуй, голоса не хватило, но до дежурного пункта звуковод донёс традиционное «объект за бортом!», потому что оттуда немедленно затребовали Фомина в штурманскую рубку.

Немедленно, значит, немедленно. Аллюр три звезды.

Фомин побежал. Хорошо, что тренировался много. А ещё лучше – бежать недалеко.

В штурманской его ждал Ванштейн и Лобанов, второй штурман «Королёва».

Обзор в штурманской был, пожалуй, хуже, чем на смотровой площадке. Больше полагались на технику, но с той поры, как электроника изменила человеку, пришлось пустить в ход дедовские резервы: глаза и уши. Глаза – понятно, но и ушами человек мог распознать многое. Да хоть бы и одно – Водоворот, Мальстрем, и на том спасибо.

Но сейчас им грозил не Мальстрем. Вообще, неизвестно, грозит ли что-нибудь вообще. Но если неизвестно – считай, опасно.

– Где? – спросил первым делом Лобанов. Действительно, сфера велика, звёзд много, поди, сыщи нужную.

Фомин пальцем показывать не стал, назвал координаты.

Здесь.

– Ага, – быстро сориентировался Лобанов. – Вижу. Перемещается, – он прильнул к окулярам стереотелескопа. – Э, да оно совсем близко.

Ванштейн взял отводные окуляры. Фомину оставалось смотреть глазами. Или в бинокль.

Он пробовал и так и этак. В бинокль «оно» было уже не точкой, но диском. Действительно, близко. Но как близко?

– Сто сорок километров по оптическому дальномеру, – ответил на невысказанный вопрос Лобанов.

Стереотелескоп имел несколько объективов, разнесенных по поверхности «Королёва». Меняя базу, можно определить расстояние до объекта – если оно, это расстояние, было невелико. Но что оно настолько невелико...

– Вектор движения – ноль девяносто пять. Скорость сближения – двадцать два метра в секунду, – «метра» Лобанов выделил особо. В космосе считают на метры не так уж часто.

– Время подумать, стало быть, есть, – сказал Командор.

Он вошёл не то, чтобы незаметно (хороша была бы команда, не заметившая своего Командора) – но так, чтобы все поняли: занимайтесь своими делами, не отвлекайтесь на ритуальное выпячивание груди и выпучивание глаз.

– Выслать навстречу катер? – спросил, а, вернее, предложил Ванштейн.

– Катер? – Командор и в самом деле достал свой знаменитый портсигар. Однако! – Катер выслать можно. Отчего ж не выслать. И почёт, и уважение. Но – погодим. Боевая тревога номер два.

«Королёв» создали не только трижды надёжным. По старой традиции он был кораблем двойного назначения. В мирное время мирным, а в военное, или неясное – военным. Конечно, военного времени быть не должно, Союз Советских Коммунистических Республик – оплот мира во всем мире. Но мало ли что взбредет в голову какому-нибудь взбесившемуся мелкому буржуа из окраинных стран? Во всяком случае, мощь залпового удара «Королёва» оценивалась в четыре хиры. Это, конечно, за счёт гатрамонного двигателя. Но и оружие калибром поменьше на борту имелось. Традиция.

Ванштейн продублировал команду Командора, и Фомин представил, как люди занимают места боевого расчёта. А как не представить, если тревоги, правда, учебные, проводились три раза в месяц во время всего полёта?

Место Фомина было именно здесь, рядом с Командором. Отвечать за исправность всех механизмов и за устранение полученных в бою повреждений в меру возможностей и более.

А ещё – это уже негласно – напоминать, какие, собственно, механизмы есть на крейсере и на что они способны в бою. Потому что механизмов (а под механизмом подразумевалось всё неодушевленное) на крейсере много, и одно перечисление их, напечатанное на «вечной» бумаге, занимает несколько толстых томов, поди, вспомни, на что способен в военное время «утилизатор палубный, распределительно-распределённый». А от него, быть может, судьба сражения зависит.

– Способ перемещения объекта неизвестен, – сказал Ванштейн. – Реактивный след не зафиксирован.

При разладе электронике и ступоре Цифруши это не удивительно. Или Шар использует гравитационные двигатели? За три года создали?

– Активировать активную броню, – скомандовал Командор. Маслит маслянистое масло, но так уж повелось – броню активируют, даже активную.

– Есть активировать активную броню, – донёсся голос Бардзимашвили из звуководной трубы, и, спустя пять секунд:

– Активная броня активирована штатно.

Активирована-то активирована, а вот как проявит в деле, если до дела дойдет? В полёте не подвела, иначе и полет был бы невозможен – любое столкновение с метеоритом, даже крохотным, на эр-скорости (эр – значит релятивистская) высвобождает массу энергии, массу, помноженную на квадрат скорости пополам. Броня эту энергию переводит на счёт «Королёва», подпитывая всепожирающую гаграмонную топку. Но сейчас – как знать. Радуйся тому, что есть. Активировалась – уже хорошо.

На оптэкрane (электронный функционировал нештатно, иными словами – крайне ненадёжно) виден был шарик. Простой такой шарик, светло-серый. Тоже, верно, окутан бронёй. Симптом не самый приятный. Или он изначально таков, шарик?

– Скорость сближения – двадцать один метр в секунду, расстояние – сто девятнадцать километров, – объявил Ванштейн.

Шарик плыл, словно мыльный пузырь. Ну, как лопнет?

Но он и не думал лопаться. Траектория сближения выходила спиралеобразная, без Цифруши понятно. Для полета в безвоздушном пространстве – странная траектория. Так семеновертолётики с клёнов падают, а какие здесь клёны? Разве что противопушечный маневр? Но пушки в космосе не применялись ни разу, хотя теоретики утверждали, что ядро, выпущенное из электромагнитной катапульты со скоростью от ста километров в секунду и выше гарантировано уничтожит небольшой катер. У маловероятного взбесившегося мелкого буржуа мог иметься разве что катер, так что...

Волнение нарастало по мере приближения шарика, но волнение внутреннее, личное. Общественная же составляющая Фомина была спокойна и бесстрашна. Как и у всех, стоящих рядом с Командором. Умел излучать спокойствие Командор. Чего волноваться, работать нужно. Они и работали. Рассчитали поперечник шарика, вышло шестнадцать метров. Всё бы ничего, только при отлёте подобных шариков в космофлоте не существовало. Могли, правда, за минувшее время и создать. Зачем? А вот и спросим, зачем. Сначала повстречаемся, как положено, а потом и спросим. Вопросов много накопилось. И общественных, и личных. Как там жены и дети? Родители? Друзья и знакомые? У Фомина, положим, как и у подавляющего большинства экипажа, ни жены, ни детей нет, и родителей тоже, погибли в Последнюю Войну, но друзьями он не обижен. А уж общественные дела как любопытны! Удалось ли превратить Гоби в паназиатский сад? Удвоить зеркало Арала? Возродить тайгу на Таймыре? Его, Фомина, правда, больше интересуется Марс, но и о Марсе можно будет спросить, стоит только подождать немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.